

Глава 20. Поручение

Осторожно усадив кроху в прежнюю кадку с песком, Таотэ поспешно отошёл подальше. Жар, исходивший от маленького тела, был столь силён, что оборотень всерьёз опасался: этот малютка его просто-напросто испечёт.

Разумеется, стоявшую рядом бадью с водой он заблаговременно отодвинул, чтобы тот случайно снова не захлебнулся.

Когда Таотэ покончил с деликатными делами малютки, они немного перекусили. После этого Таотэ собрался пойти к соседям, в дом Кэмпбелла, чтобы расспросить его а-му, Сидни, о тонкостях шитья.

Но сытый и хорошенько выспавшийся Якоб мёртвой хваткой вцепился в палец Таотэ, наотрез отказываясь его отпускать. Делать нечего — пришлось спрятать малютку под одеждой, строго-настрого наказав не высовываться ни при каких обстоятельствах, иначе беды не миновать.

Крохе подобное приключение было в новинку, поэтому он буквально сгорал от любопытства и волнения. Устроившись у Таотэ на груди, он топорщился заметным бугорком, то и дело шевелился и норовил высунуть нос наружу, чтобы поглядеть по сторонам.

Таотэ лишь покачал головой. Он аккуратно достал малютку из-за пазухи и перепрятал пониже, у живота.

Чтобы никто ничего не заподозрил, он даже сменил рубаху на более свободную и просторную.

Фигура у Таотэ была крепкой, богатырской, поэтому мешковатый наряд сидел на нём вполне естественно, не вызывая у соплеменников лишних вопросов.

К тому же в начале лета оборотни ещё не успевали полностью перелинять, и густой подшёрсток отлично скрывал крошечного спутника.

Якоб тем временем устроился среди мягких волосков на животе великана. Крепко вцепившись в них крошечной ручкой, чтобы не соскользнуть, он сидел, затаив дыхание. Страх постепенно отступал, и хотя малютка всё ещё изредка косился наружу сквозь складки ткани, он заметно расслабился.

Закончив сборы, Таотэ наконец вышел на улицу.

Дом Кэмпбелла стоял совсем рядом — стоило лишь завернуть за угол.

Подойдя к двери, он негромко постучал и замер в ожидании.

Пока на улице было безлюдно, а хозяева не спешили открывать, Таотэ скользнул взглядом вниз, проверяя складки на животе. Убедившись, что малютка сидит надёжно и точно не выпадет, он постучал ещё раз, чуть настойчивее.

А-му Кэмпбелла, Сидни, ростом не выдался, зато обладал поистине золотыми руками. Когда родители Таотэ один за другим ушли в мир иной, именно этот добродушный оборотень вызвался шить ему одежду.

Неудивительно, что со своей затеей Таотэ решил обратиться именно к нему.

— А, Таотэ! А я-то думал, этот паршивец Кэмпбелл опять со службы удрал... — Сидни, распахнувший дверь с явным намерением задать трёпку, при виде гостя тут же сменил гнев на милость и мягко улыбнулся: — Проходи, присаживайся.

Он давно относился к юноше как к родному, поэтому, впустив его, без лишних церемоний вернулся к прерванной работе.

Таотэ притворил за собой дверь и пошёл следом за хозяином.

— Дядя Сидни, а научите меня одежду шить?

Сидни отложил работу и обернулся, укоризненно покачав головой:

— Что за глупости, малец? Если поизносился, так и скажи — я мигом сотворю тебе новую рубаху. Столько лет друг друга знаем, а ты скромничаешь. Зачем тогда дядей величаешь?

— Да нет же, дядя, у меня полно одежды, — поспешил оправдаться Таотэ. — Просто... мне правда хочется научиться самому.

Сидни порывался поспорить, но, заметив небывалую решимость на лице юноши, лишь махнул рукой. Впрочем, удержаться от привычных жалоб на собственного сына он не смог:

— Эх, был бы мой Кэмпбелл хоть в половину таким же прилежным! Какое там шитьё... Его обычную миску помыть не допросишься, обязательно отлынивать начнёт...

— Ну что вы, дядя, Кэмпбелл вовсе не бездельник, — мягко возразил Таотэ, вступаясь за попавшего под горячую руку друга.

Стоило Кэмпбеллу получить увольнительную, он тут же мчался к нему и без лишних уговоров брался за любую тяжёлую работу по дому. И никогда не ворчал, да и неуклюжим его назвать было нельзя.

— Да где уж там! В детстве только и делал, что кулаками махал да пакостил, а теперь днями напролёт пропадает в корпусе самообороны, домой носа не кажет... — Хоть Сидни и продолжал сокрушаться, в уголках его глаз заплясали тёплые искорки. — Ладно уж, этот оболтус только при тебе шёлковым и становится.

С этими словами Сидни тщательно вымыл руки, вытер их рушником и подошёл ближе.

— Ну и какую одежду ты задумал сотворить? — Он убрал со стола всё лишнее и выложил костяную иглу, искусно выточенную из рыбьего плавника, и моток прочных нитей, сплетённых из лубяного волокна.

В его плетёной корзинке хранилось всё, что могло понадобиться для шитья, — от костяных шильев до мягких лоскутов.

Таотэ поспешно шагнул к столу и вытащил припасённую шкурку прыгающего кролика — ту самую, от которой остался приличный кусок после прошлых трудов.

— Хочу сшить простую одежду. Вот такой длины, совсем крохотную, без лишних узоров, — Таотэ приложил ладонь к ладони, показывая примерный рост малютки.

При слове «одежда» укрытый под рубахой малютка заворочался и с любопытством высунул круглую макушку наружу.

Оба оборотня сидели, а высокий стол надёжно скрывал происходящее внизу. Стоило Якобу высунуть нос, как перед его взором предстали лишь чужие лапы да подол просторной рубахи Сидни.

Ощувив щекотное шевеление у пояса, Таотэ, даже не моргнув, опустил руку под столешницу и бережно затолкнул любопытную макушку обратно.

Малютка беззвучно втянул голову в плечи и покорно ушёл на глубину.

Тем временем Сидни озадаченно крутил в руках обрезки меха:

— И на кого же ты такую крохотулю шить собрался?

— Хочу сперва набить руку, — не моргнув глазом, выложил заранее придуманную ложь Таотэ. — Если сразу возьмусь за большую шкуру и испорчу, переведу добро зря. А на мелочи и учиться проще.

— Твоя правда, — одобрительно кивнул Сидни. — Что ж, дело нехитрое. Схватываешь ты быстро, так что научишься в один миг.

С этими словами мастер разложил перед собой шкурку и принялся подробно объяснять основы кроя.

Скроить простую накидку сможет каждый, кто хоть раз держал в руках кусок шкуры, но сотворить удобную, ладную вещь — тут сноровка нужна.

Нужно рассчитать ширину плеч, длину рук, правильно прикинуть припуск на швы и не прогадать с толщиной самой мездры. Мелочей в этом деле не бывало.

Пока Таотэ из всех сил пытался сосредоточиться на наставлениях Сидни, укрытый у него на животе гость снова заёрзал.

Едва тёплая ладонь великана исчезла, Якоб не удержался и вновь выставил любопытную макушку наружу. Плотная ткань поначалу закрывала его до самых глаз, но он упорно повозился, пока не освободил голову целиком.

Задрав голову, он мог разглядеть лишь очертания широкого подбородка своего спасителя.

Не дождавшись отпора, малютка осмелел. Он высунулся из-за широкого пояса уже по пояс и принялся с любопытством озираться вокруг.

Вглядевшись в сидевшего напротив Сидни, кроха замер от изумления. Рассказы старожилков оказались чистой правдой — на свете действительно существовали целые племена исполинов!

И все эти грозные великаны, точь-в-точь как его Таотэ, щеголяли густым, пушистым мехом...

Вспомнив, с какой пугающей лёгкостью этот пушистый великан поднимал его на ладони, малютка поспешно вжал голову в плечи. Он судорожно сжал крошечные пальчики, глубже погружаясь в тёплый подшёрсток на животе Таотэ.

Одна лишь мысль о том, что его может зацапать какой-нибудь другой, незнакомый исполин, заставила его содрогнуться. Якоб поспешно развернулся и закопался поглубже в складки просторной рубахи.

Эта мышинная возня у пояса окончательно сбивала Таотэ с толку, мешая уследить за быстрыми руками мастера.

Изловчившись, он опустил под стол широкую ладонь, мягко накрыл ею барахтающийся комочек и слегка прижал к себе, заставляя затихнуть.

Само собой, силы он не прикладывал — лишь бережно удерживал, опасаясь случайно

навредить хрупкому тельцу.

Якоб, не понимая, в чём дело, просто обхватил обеими ручками толстый палец великана. Ощущая его привычное тепло и надёжность, кроха умиротворённо затих.

Любопытство к пугающему внешнему миру бесследно испарилось. Крохе вдруг до боли захотелось вернуться назад — в тихую, безопасную хижину Таотэ, ставшую для него настоящим домом.

Тем временем Сидни закончил объяснять теорию, ловко вырезал из обрезков кожи крошечные детали и принялся сшивать их на глазах у ученика.

Работа спорилась в его руках с невероятной лёгкостью. Крохотный, с ладонь величиной, лоскут кожи под его пальцами в считанные мгновения превратился в чудесную рубашонку — аккуратную и ладную, будто сшитую лучшим портным в столичной лавке.

Таотэ бережно принял готовую вещицу и принялся разглядывать её со всех сторон. Мастерство соседа вызвало искреннее восхищение: сам он при первой попытке сотворил нечто бесформенное и кривое, у Сидни же вышла ладная, безупречная по размеру обновка.

Чтобы швы соответствовали крошечной вещице, Сидни умудрился сделать стежки едва заметными — на стыках лоскутов нить ложилась ровно и невероятно плотно.

— Ну что, попробуешь сам? — Он придвинул к нему лукошко с иглами из плавника рыбы и кремнёвый нож.

Таотэ, конечно, упускать случая не стал. Он принялся прилежно повторять каждое движение наставника, стараясь скроить деталь по лекалу. Но то, что у опытного мастера выходило играючи, в его широких ладонях казалось непосильной задачей. С грехом пополам вырезав лоскут, он с досадой обнаружил, что края получились кривыми.

Но настоящая беда ждала его впереди. Как бы прилежно Таотэ ни старался вести иглу, укладывая стежки один к одному, нить упрямо виляла, оставляя на шкурке косые, нелепые петли.

Можно было даже не примерять — и так ясно, что рубашонка выйдет кособокой.

Впрочем, Сидни усердие ученика оценил по достоинству.

Пускай вышло не слишком ровно, для первой попытки работа выглядела на удивление сносно — уж точно лучше, чем первые шаги самого Сидни, когда тот только учился держать иглу.

Закончив с рубашкой, Таотэ решил закрепить успех и попробовал скроить крохотную меховую юбочку.

Провозившись так ещё какое-то время и сделав несколько заготовок, он наконец отложил иглу из плавника рыбы в сторону.

Стоило ему разогнуть спину, как он заметил на краю стола исходящую паром кружку с ароматным отваром.

— Не гони коней, мастерство со временем придёт, — мягко улыбнулся Сидни, пододвигая кружку поближе. Но тут же снова тяжело вздохнул: — Эх, рос бы мой оболтус хоть вполовину таким же терпеливым и покладистым...

Соплеменники души не чаяли в Кэмпбелле, считая его образцовым воином, но разве материнское сердце способно унять тревогу за своё дитя?

Когда Кэмпбелл впервые заикнулся о службе в корпусе самообороны, его а-фу и а-му встали на дыбы. Опасное это было ремесло. И пускай племя щедро платило защитникам, каждый поход мог стать для воина последним.

Одна оплошность, один пропущенный удар в лесной чаще — и поминай как звали.

Ни Сидни, ни его а-фу Эрф не грезили о великих подвигах сына. Им не нужны были ни слава, ни почести — лишь бы живым остался.

Получив от ворот поворот от родителей, Кэмпбелл тогда не на шутку разобиделся. Маясь от нерешительности и злости, он буквально поселился в хижине Таотэ, пропадая там с утра до ночи, лишь бы не выслушивать домашние нотации.

В конце концов Таотэ, устав от бесконечных стенаний приятеля, усадил его перед собой и разложил ситуацию по полочкам.

Помог примирить родительские страхи с его собственным упрямым стремлением защищать племя. Только тогда Кэмпбелл наконец обрёл душевный покой и принял твёрдое решение.

Таотэ не подталкивал его к бунту против воли отца и матери, но он сумел достучаться до разума друга, заставив того уяснить: чего он на самом деле хочет от этой жизни.

— Дядя Сидни, Кэмпбелл не дурак, чтобы лезть на рожон, — негромко произнёс Таотэ, пытаясь унять тревогу старшего. — Он знает, как вы за него боитесь, и понапрасну рисковать не станет.

— Да я ведь не о глупости его толкую. Взрослый уже, соображает, что к чему. Меня другое

гложет: с его-то буйным норовом каково ему дальше придётся? — Сидни поправил лежащие на коленях лоскуты. — Таотэ, у меня к тебе просьба... Будет минутка свободная — приглядывай за ним, ладно? Осаживай, когда его несёт. Он ведь с самого детства упрямый как осёл, слова поперёк не скажи. Ни меня, ни а-фу своего и слушать не желает. Только тебе в рот и смотрит.

Сидни сегодня был сам не свой — притихший, на удивление покладистый и печальный. Таотэ почувствовал, как к горлу подступает нехорошее предчувствие.

— Дядя Сидни, стряслось чего? — обеспокоенно спросил он, подаваясь вперёд.

<http://bllate.org/book/20392/2167640>